

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

КРАСИВАЯ
ЖЕНА

Сергей Патрушев

Красивая жена

«Автор»

2026

Патрушев С.

Красивая жена / С. Патрушев — «Автор», 2026

В мире, где магия подчиняет королей, а сталь решает судьбы империй, она начинает свой путь как простая содержанка купца. Но Лили — это ошибка в коде мироздания. Там, где другие видят грязь и унижение, она находит силу. Там, где заклинания должны убивать, она обретает крылья. Набирая вес с каждым поглощенным проклятием, она превращается из хрупкой девушки в живую гору плоти, чья тяжесть буквально придавливает реальность к земле. Она не просто завоевывает трон. Она меняет саму природу власти. Армии присягают ей на верность через вкус жареного мяса, маги падают ниц перед её наготой, а враги становятся вассалами после одного взгляда. Но какую цену придётся заплатить за Империю, построенную на сытости? И что произойдет, когда последняя тайна её невероятной массы будет раскрыта? Загадка этой женщины кроется не в том, как она правит, а в том, чем именно она питается.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Алмаз в короне	5
Глава 2. Трон из чужих слёз	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Патрушев

Красивая жена

Глава 1. Алмаз в короне

Сентябрьский воздух над столицей был густым, тяжелым и пах прелой листвой, конским потом и сладковатым дымом от жаровен, на которых торговки пекли имбирные пряники. Королевский турнир — главное событие года после сбора урожая — собрал под стенами белого замка такую толпу, что брусчатка главной площади казалась живым шевелящимся существом. Простолюдины давили друг друга локтями за место у ограждения из дубовых бревен, рыцари в потускневшей броне лениво переругивались со сквайрами, а городская стража с багровыми от натуги лицами сдерживала напор черни древками алебард.

Шум стоял такой, что казалось, будто он имеет физическую плотность: гомон сотен голов, скрип кожи, ржание лошадей и далекий рев труб сливались в единую, оглушающую симфонию суеты. Но когда к северным воротам ристалища подъехала карета Николая, этот шум умер. Он не исчез мгновенно, как пламя свечи под пальцами, а задохнулся, подавился собственным эхом.

Сначала замолчали мальчишки-разносчики воды. Затем стихла перебранка двух пьяных наемников у трактирной бочки. Потом наступила очередь знатных дам, сидевших под полозными навесами на специально возведенных деревянных трибунах. В этой внезапной, звенящей тишине было слышно только одно: мерный, тяжелый перестук шестерки вороных коней, запряженных цугом, да тихий хруст их копыт по гравию подъездной аллеи.

Карета не была вызолочена, как экипажи герцогинь, и не украшена родовыми гербами старой крови. Ее борта были сделаны из мореного дуба настолько темного, что он поглощал свет, а единственным украшением служило матовое серебро дверных ручек в виде переплетенных змей. Она выглядела так же просто, смертельно опасно и дорого, как обнаженный клинок лучшей стали.

Дверца распахнулась без посторонней помощи. С подножки, обитой изнутри темно-синим бархатом, сошла Лили.

Ей едва исполнилось девятнадцать лет, но сегодня она двигалась с плавностью хищной кошки, знающей цену каждому своему мускулу. На ней не было ни пудры, нарумяненных щек или фальшивых мушек, которыми так любили злоупотреблять придворные модницы. Кожа ее, бледная, почти прозрачная, напоминала первый лед на осенней реке — тонкую пленку, под которой уже угадывается черная, неподвижная глубина. Эта холодная красота не просила восхищения; она требовала подчинения.

Платье цвета застывшей крови — густой, винный оттенок, который невозможно получить обычными красителями — струилось за ней тяжелой волной. Шелк стоил больше, чем годовой улов целой рыбацкой деревни, и падал мягкими складками, совершенно не шурша при ходьбе. Вырез был дерзко глубоким для жены купца, открывая ключицы, острые, как лезвия кинжалов. На шее лежало кольцо из необработанных черных алмазов, каждый размером с ноготь большого пальца. Камни ловили скупое солнце и возвращали его тусклым, мертвым блеском, похожим на взгляд утопленника.

Лили подняла голову. Ее глаза, редкого оттенка мокрого пепла, скользнули по трибунам. Взгляд не выражал ничего — ни любопытства, ни страха, ни радости от встречи со столичной роскошью. Только абсолютное, всепоглощающее презрение. Это был взгляд человека, который видит не людей, а лишь несовершенную геометрию их поз, пятна на чужих камзолах и дешевую

суету там, где должно быть достоинство. Толпа перед ней вдруг ощутила себя грязной, плохо одетой и невыносимо громкой.

Она медленно повернула голову вправо. Трибун для высшей аристократии находился всего в двадцати шагах. Там, окруженная фрейлинами, точно наседка цыплятами, восседала герцогиня Изольда — первая красавица королевства, кузина самого монарха.

Изольда славилась умением носить траур так, чтобы это выглядело как вызов. Сегодня она превзошла саму себя. Платье из серебряной парчи было расшито тысячами жемчужин, изображавших слезы, а высокий кружевной воротник «фреза» подпирал подбородок, заставляя держать голову неестественно высоко. Наряд должен был говорить о скорби по недавно почившему брату, но из-за обилия драгоценностей и слишком глубокого декольте кричал лишь о дурном вкусе и отчаянном желании привлечь внимание.

Лили остановилась ровно на три удара сердца дольше, чем предписывал этикет. Она смотрела прямо на Изольду. Уголок ее идеально очерченных губ дрогнул, пополз вверх, но это не было улыбкой. Это был оскал анатомического препарата.

— Серебряная фольга поверх свиного студня, — произнесла Лили. Голос ее оказался низким, с легкой хрипотцой, и прозвучал негромко, но разнесся над площадью отчетливо, словно удар колокола. Каждое слово было взвешено и брошено в лицо герцогине через головы десятков людей. — Как жаль, что ваш портной умеет считать стразы, но совсем забыл про чувство меры. И вкуса.

Кто-то из свиты Изольды ахнул. Сама герцогиня побелела так, что серебряная парча на ее фоне показалась серой. Кровь схлынула с ее лица, оставив лишь красные пятна лихорадочного румянца на скулах. Рука в перстнях дернулась к горлу, словно ища защиты у собственного платья.

Лили дождалась, пока паника в глазах соперницы сменится бессильной яростью, небрежно поправила черный алмаз на своей груди и двинулась дальше, к королевской ложе. За ее спиной пространство взорвалось звуком, но это был уже не прежний рыночный гул. Это был шквал. Люди тыкали пальцами, толкали соседей в бока, передавая сказанное шепотом, который быстро превращался в рокот: — Она назвала платье герцогини... студнем... — Жена купца! Простого лавочника! — А камни? Видели эти камни? Они стоят короны!

Николай выбрался из кареты следом. Огромный, широкий в кости мужчина сорока лет, чья шея давно сравнялась толщиной с затылком. Лицо его, покрытое сеткой морщин от степных ветров и купеческого беспокойства, сияло самодовольной, масляной радостью. Он оделся крикливо, пытаясь соответствовать жене: новый кафтан из флорентийского бархата топорщился на животе, а цепь магистра торгового гильдииского ордена оттягивала шею. Для толпы он был лишь тенью, кошельком, придатком к этому невероятному явлению. Николай протянул руку, чтобы взять жену под локоть, полагая, что сейчас они вместе, рука об руку, проследуют мимо замерших дворян.

Лили даже не обернулась. Сделав еще один шаг вперед, она сбросила его пальцы движением плеча — коротким, точным и брезгливым, как сбрасывают паука, коснувшегося кожи. Звук соприкосновения плотного бархата с шелком прозвучал в наступившей относительной тишине как щелчок хлыста. Купец замер с открытым ртом, его лицо пошло багровыми пятнами унижения, но перечить он не посмел. Он остался стоять у колеса кареты, тяжело дыша и сжимая кулаки, внезапно осознав свое истинное место — далеко позади нее.

Лили шла сквозь строй оцепеневшей знати одна.

Первым ей навстречу попался граф де Морван, старый лев двора, чье состояние позволяло ему плевать на мнение короля. Его седые волосы были растрепаны, а камзол расстегнут на волосатой груди — граф провел утро за кубком вина. Увидев Лили, он прервал свой анекдот на полуслове. Глаза старого кутилы, обычно мутные и наглые, удивленно расширились. Он видел сотни женщин, раздевал герцогинь и принцесс, покупал любовь самых дорогих куртизанок

Европы, но никогда не встречал существа, которое излучало бы столько холода. Не задумываясь, повинаясь какому-то древнему инстинкту выживания, глубоко впаянному в кровь предков-воинов, граф резко наклонил голову. Это не был глубокий поклон, ломающий спину, но это было четкое, уважительное признание статуса. Седая грива скрыла его изумленное лицо.

За ним поклонился маркиз д'Эвре, известный дуэлянт и сплетник, человек, которого вся столица считала абсолютно невоспитанным. Маркиз всегда издевался над церемониями, мог явиться на бал в сапогах для верховой езды, но сейчас его изящные ноги в туфлях с красными каблуками механически согнулись в коленях. Он склонял голову перед женой торговца тканями и пряностями, потому что чувствовал кожей: если он этого не сделает, то следующим утром окажется либо мертвецом, либо всеобщим посмешищем, разорванным в клочья новой королевой скандала.

Благородные леди, забыв о своих веерных баталиях, приседали в реверансах так низко, что рисковали потерять равновесие на шатких досках помоста. Их мужья, люди меча и политики, опускали взгляды. Никто не понимал, как это происходит. По всем законам божеским и человеческим эта женщина должна была стать объектом едких шуток. Дочь мелкого менялы, выданная за нувориша, разбогатевшего на военных поставках. Ей место в задних рядах, среди жен поставщиков овса. Вместо этого она шла по центральной аллее турнира, и земля словно качалась под ногами старой аристократии.

Власть золота встретила с властью породы, и порода трусливо отступила, признавая поражение. Лили несла свое тело так, словно невидимый церемониймейстер бил перед ней в золотой набат.

У самой королевской ложи дорогу ей преградил распорядитель турнира — толстый герольд в накидке, расшитой золотыми лилиями. — Мадам, согласно протоколу, гости торговой гильдии занимают места во втором секторе, — пропыхтел он, вытирая вспотевшую лысину кружевным платком. — Билет вашего супруга действителен только...

Лили посмотрела на него. Она не повысила голоса, не сделала резкого жеста. Она просто позволила взгляду своих пепельных глаз остановиться на лице герольда. В них не было угрозы, только бесконечная, космическая пустота. Герольд икнул, попятился и неожиданно для самого себя сделал неуклюжий полупоклон, освобождая проход. — Разумеется, госпожа. Прошу извинить мою оплошность. Позвольте проводить вас...

Но она уже прошла мимо, проигнорировав протянутую руку.

И тогда запели барды.

Они сидели чуть поодаль, у фонтана, терзая лютни в ожидании кровавой развязки ссоры между герцогиней и купчихой. Искусство менестреля требует мгновенной реакции, и столица славилась самыми острыми на язык певцами. Первый аккорд прозвенел, когда Лили проходила мимо трибун графа де Морвана.

Старик с сирым голосом, потерявший два передних зуба в кабацкой драке, затянул речитатив, отбивая ритм костлявыми пальцами по деревянной деке: *«Серебро Изольды — жалкая обманка, Пыль в глаза пускает глупому народу. А у девы черной — ледяная манка, Что глотает звезды, пьет живую воду»*.

Его товарищ, юный смазливый арфист, тут же подхватил мелодию, переводя площадную грубость в высокую поэзию. Звонкие струны взлетели над головами: *«Не венцом увита, не клеймом порфира, Темен путь алмаза, что пришел из итолен. Перед ней сгибает колени половина мира, Потому что взгляд ее — и горд, и болен»*.

Песня понеслась над площадью быстрее ветра. Люди подхватывали припев, хотя многие слова еще не были дописаны. Импровизация рождалась на ходу, склеиваясь из зависти, восторга и животного ужаса. Песню складывали прямо здесь, на камнях столицы, превращая приезд женщины в исторический миф. Кто-то начал скандировать строчку про «ледяную манку», кто-то смеялся, пересказывая соседям шпильку про «свиной студень». Имя герцогини Изольды

в одну минуту стало синонимом провинциальной безвкусицы, а имя Лили — символом неумолимой, разрушительной силы.

Король сидел в тени пурпурного балдахина, скучающе наблюдая за разминкой рыцарей на песке ристалища. Он был человеком прагматичным и не любил женских истерик, считая их главной угрозой государственной безопасности. Скандал у входа привлек его внимание. Монарх чуть подался вперед, опершись пухлыми руками о резные подлокотники трона. Рядом с ним ерзал наследный принц, юноша с вечно капризным выражением лица.

— Отец, — прошипел принц, вытягивая шею, — почему мы смотрим на какую-то торговку? Прикажите страже вывести ее. Она оскорбила кузину публично. Это повод для дыбы.

Король молчал. Он смотрел, как жена купца поднимается по ступеням королевской ложи. Стражники в латах напряглись, положив руки на эфесы, готовые сомкнуть алебарды, но медлили, замороженные ритмичным покачиванием ее бедер и спокойствием, граничащим с безумием.

Лили подошла к самому ограждению ложи. Она не стала искать глазами мужа, оставшегося внизу, возле кареты. Она не искала взглядом и короля. Ее взор скользнул поверх августейших особ, задержался на горизонте, где виднелись шпили Академии, и лишь затем медленно, очень медленно опустился вниз.

Она посмотрела на короля. Прямо в глаза.

Взгляд длился, может быть, секунду. Но монарху, привыкшему к тому, что все вокруг — от последнего золотаря до первого министра — либо лебезят, либо боятся встретиться с ним очами, эта секунда показалась вечностью. В глазах этой девочки не было ни почтения, ни вызова. Было лишь холодное оценивающее любопытство, с каким ювелир смотрит на кусок необработанной руды, прикидывая, сколько чистой породы останется после отсеечения лишнего. Король почувствовал себя неудобно в собственном тяжелом бархатном одеянии, расшитом камнями. Ему показалось, что его трон стал слишком велик для него, а корона на голове подозрительно легка.

Он кашлянул, прочищая горло. — Весьма... эффектный въезд, сударыня, — голос короля прозвучал хрипло, и он мысленно проклял себя за эту слабость.

Лили наконец перевела взгляд на него. Краешки ее губ снова дрогнули в подобии улыбки. — Эффект — это иллюзия пыли, ваше величество, — ответила она ровным тоном. — Я предпочитаю суть. Пыль оседает, король остается. Надеюсь, песок на арене сегодня достаточно чист для пролития настоящей крови?

Принц вскочил со своего кресла, покраснев от гнева. — Да как вы смеее?! Наглая выскочка! Мой дядя говорит о государственных делах, а вы...

Лили перевела свои пепельные глаза на принца. Она не дала ему договорить. Одного мгновения хватило, чтобы самоуверенный юноша осекся на полуслове, споткнулся о ножку кресла и плюхнулся обратно, смешно клацнув зубами. Вся его юношеская спесь испарилась, смытая волной первобытного, непонятного страха. Перед ним стояла не женщина, а геометрическая фигура, совершенная в своей жестокости.

— Сидите, мой принц, — мягко сказала Лили. — Вам вредно волноваться на таком солнышке. Цвет лица испортится. Матушка будет недовольна, когда вернется из паломничества.

Это был удар ниже пояса. О тайном, постыдном недуге королевы, из-за которого та вынуждена скрываться в монастырях, знали лишь трое врачей и король. Откуда эта девчонка могла узнать четвертый секрет короны?

В ложе запахло грозой. Министры, стоявшие за спинкой королевского кресла, затаили дыхание. Капитан гвардии незаметно сделал полшага вперед, закрывая собой монарха. Сейчас случится непоправимое. Казнь за государственную измену бывает долгой и публичной.

Но Лили потеряла интерес к правящей семье. Ее спектакль закончился. Она добила того, ради чего приехала — сломала шаблон, перевернула шахматную доску одним щелчком пальцев. Теперь начнется настоящая игра.

Она отвернулась от короля, окинула равнодушным взглядом ряды скамеек для простолюдинов, поле, где оруженосцы уже облачали первого поединщика в сталь, и небо.

Толпа, начавшая приходить в себя после первоначального шока, вновь загудела, но теперь это был гул обожания. Лили превратилась в легенду за те десять минут, что заняла ее дорога от кареты до королевской ложи. Песни бардов становились все громче, обрастая фантастическими подробностями: говорили, что черные алмазы на ее шее — это замерзшие души ее отвергнутых любовников, что кожа ее холодна, потому что она дочь северной ведьмы, что Николай купил ее в гареме восточного султана за сундук пряностей. Правда никого не интересовала. Город жаждал мифа, и Лили подарила им идеальный идол — холодный, недостижимый и беспощадный.

Сам Николай, раздавленный и уничтоженный ее публичным пренебрежением, стоял у кареты, глядя на удаляющуюся спину жены. До этого утра он считал себя хозяином положения. Он думал, что купил себе красивую игрушку, живой трофей, которым можно хвастаться перед другими толстосумами. Он оплачивал ее платья и терпел ее молчание дома, будучи уверенным, что за этими серыми глазами нет ничего, кроме пустой расчетливости.

Сейчас, глядя, как высшая знать королевства добровольно склоняет шеи перед его собственностью, он впервые испытал настоящий животный ужас. Он понял, что привез в столицу не украшение. Он привез в клетке кобру, открыл дверцу посреди бала и теперь с ужасом ждет, кого она укусит первой. И страшнее всего было понимание того, что клетку открыла она сама, а он даже не заметил, как провернулся ключ в замке.

Герцогиня Изольда осталась сидеть на своем месте. Фрейлины хлопотали вокруг нее, прикладывая к ее вискам надушенные платочки, но она их не замечала. Губы Изольды беззвучно шевелились — она повторяла оскорбление, запоминая каждое слово, чтобы выплеснуть его ночью в подушки слезами, а завтра попытаться уничтожить эту женщину интригами. Но в глубине души, там, где у титулованных дам прячется честолюбие, она понимала: ее время вышло. Серебро проиграло льду. Эпоха ушла вместе с неудачно скроенным лифом.

Лили наконец нашла свободное кресло в первом ряду гостевой ложи, куда обычно допускались лишь иностранные послы и старые друзья короны. Она села, расправив тяжелый шелк юбок. Солнце выглянуло из-за облаков, осветив ее профиль, и черные алмазы на ее шее вспыхнули на мгновение мертвым светом.

Рыцарь на арене издал боевой клич и прищпорил коня, устремляясь навстречу противнику с копьем наперевес. Деревянные копыя с треском ломались о щиты, публика ревела, приветствуя ярость и смерть.

Лили смотрела на схватку без всякого интереса. Клинки, кони, расколотые шлемы — всё это было таким же шумным и предсказуемым представлением, как и прибытие герцогини Изольды. Примитивная сила против примитивной брони.

Она достала из расшитой бисером сумочки тонкий флакон из граненого стекла. Внутри плескалась вязкая, иссиня-черная жидкость. Лили откупорила пробку — легкий аромат горького миндаля на мгновение перебил запахи конюшни и пота — и аккуратно капнула две капли в принесенный пажом кубок с охлажденным вином. Рубиновая жидкость медленно темнела, принимая цвет запекшейся крови.

Сделав маленький глоток, она удовлетворенно кивнула. Вино приобрело нужный привкус.

Первый день турнира обещал быть долгим. Настоящие турниры начинаются не тогда, когда сходятся всадники, а когда расходятся зрители. И самый острый клинок сегодня был не из закаленной стали, а из плоти, холодной крови и безупречного расчета.

Алмаз занял свое место в короне. Оставалось лишь дожидаться ночи, чтобы решить, кому выпадет честь носить эту корону на собственных похоронах.

Глава 2. Трон из чужих слёз

Солнце перевалило за полдень, и сентябрьский зной стал тяжелым, вязким, как расплавленная смола. Песок на ристалище посерел от пыли, поднятой копытами боевых дестриэ, а воздух пропитался запахом горячего железа, конского пота и сладковатой меди. Три первых поединка завершились: один рыцарь лишился двух пальцев вместе с латной рукавицей, второй получил перелом ключицы, когда его щит разлетелся в щепу, а третьего унесли на носилках с пробитым нагрудником — окровавленное древко турнирного копья торчало из стали, словно черный цветок смерти. Толпа ревела, требуя крови, ставки росли, менялы едва успевали записывать долги на навощеных дощечках.

Лили наблюдала за этим со своего места в гостевой ложе с тем же отстраненным любопытством, с каким энтомолог смотрит на возню муравьев в разоренном муравейнике. Бой не занимал ее мыслей. Она думала о геометрии власти. О том, что страх перед неизвестным всегда эффективнее страха перед известным клинком. Николай сидел через три скамьи от нее, намеренно демонстрируя независимость, но каждые пять минут его жирная шея непроизвольно поворачивалась в сторону жены. Он ждал взрыва, приказа возвращаться в карету или публичного скандала. Но Лили лишь равнодушно отпивала вино из своего кубка, игнорируя существование мужа так же методично, как она проигнорировала его руку у кареты.

Когда герольды протрубили малый перерыв для расчистки арены, напряжение толпы слегка спало. Дамы раскрыли расписные веера, создавая легкий ветерок, пажи бросились разносить прохладительные напитки. Именно в эту паузу к Лили подошла распорядительница королевских приемов — сухая, желчная женщина в строгом сером платье, чье лицо напоминало печеное яблоко.

— Госпожа... э-э-э... Лили, — начала она, стараясь не смотреть в пепельные глаза купеческой жены. Ее пальцы нервно теребили серебряную цепь на шее. — Согласно уложению двора тысяча двести восьмого года, ложа номер четыре, расположенная над Восточной башней, зарезервирована исключительно для консорциума Верховных Магов. Ваше присутствие там...

Она осеклась. Говорить жене Николая, что ей пора знать свое место, было физически больно. Слова застревали в горле, превращаясь в тухлу.

Лили медленно повернула голову. Взгляд ее скользнул по лицу распорядительницы, затем переместился чуть выше и левее — туда, где мраморной лестницей, увитой штандартами Академии Высоких Искусств, возвышалась крытая галерея. Закрытая ложа чародеек парила над ареной, опираясь на изящные колонны из цельного нефрита. Там, в тени шелковых навесов цвета грозового неба, сидели они. Жены Верховного Конклава. Хранительницы тайн, матери наследников магической крови. Женщины, привыкшие считать себя истинными правительницами королевства, дергающими за ниточки своих могущественных мужей, которые слишком часто сгорали в собственных экспериментах с эфиром.

Магистересса Элеонора де Валеран была среди них главной. Женщина неопределенного возраста — ей могло быть и сорок, и семьдесят лет — благодаря постоянным омолаживающим ритуалам. На ней было платье из тончайшего асбестового волокна, которое меняло цвет от жемчужного до мертвенно-бледного в зависимости от того, как текла мана вокруг нее. Лицо Элеоноры было идеально симметричным, лишенным всяких эмоций, словно высеченным из белого мрамора руками слепого фанатика. Рядом с ней, подобострастно склонив головы, сидели остальные: огненная леди Каина, чьи волосы буквально дымились от сдерживаемой пирокинезии; бледная иллюзионистка Мириам, черты которой постоянно плыли, не позволяя уловить точный разрез глаз; и грузная, похожая на жабу архимагесса Брунгильда, специалистка по големам и защите.

Они смотрели на Лили сверху вниз. Это был взгляд высшей касты на вошь, осмелившуюся ползти по бархатной обивке трона. Они уже знали о позоре Изольды, слышали песни менестрелей и теперь собирались преподать урок этой выскочке. Урок иерархии, который нельзя забыть.

Элеонора поднялась во весь свой величественный рост. Она не стала утруждать себя криками или оскорблениями. Зачем тратить голос на грязь? Она просто щелкнула пальцами.

Это был сигнал, понятный всем женам верховных магов без слов. Древний, высокомерный жест исключения. Пальцы распорядительницы рядом с Лили дрогнули, на лице проступило облегчение — сейчас жену купца возьмут под руки две каменные статуи-голема, приставленные к охране ложи, и бесцеремонно, но «вежливо» препроводят вниз, к черни. Возможно, по пути одна из статуй случайно «споткнется», отдавив нахалке ногу.

Лили даже не пошевелилась. Она продолжала держать кубок двумя пальцами, глядя на песчаную арену, где оруженосцы уже начали засыпать свежие опилки поверх кровавых луж.

Распорядительница открыла рот, чтобы повторить приказ, но поняла, что никто не двигается. Големы-охранники стояли неподвижно, их руны на телах едва заметно пульсировали синим светом, но команды они не получали. Более того, сами магессы в верхней ложе вдруг замерли. Элеонора стояла с поднятой рукой, ее идеальный профиль исказился гримасой недоумения. Она щелкнула еще раз. Громче. Сухой звук дерева сломанной ветки прокатился по трибунам.

Ничего не произошло.

Чары подчинения — базовое заклинание, которому обучают девочек в благородных семьях раньше, чем азбуке. Оно должно было заставить мышцы Лили сократиться против воли, поднять ее на ноги и повести прочь, заставляя извиняться на каждом шагу. Заклинание сорвалось с пальцев Элеоноры невидимой петлей, сотканной из чистой воли и синеватого света маны. Петля стремительно полетела вниз, метя точно в затылок Лили.

Но вместо того, чтобы опуститься на плечи жертвы, нить натянулась. Воздух между галереей магов и гостевой ложей загудел, задрожал, искажая перспективу. Невидимая леска, брошенная Верховной Магистерессой, внезапно изогнулась в воздухе плавной дугой. Словно пойманная на рыболовный крючок гигантская рыба, воля Элеоноры дернулась — не от сопротивления цели, а от собственного веса.

Заклинание обратилось вспять.

Петля свистнула в обратном направлении. Мгновение спустя Элеонора де Валеран рухнула на колени прямо на мраморный пол своей роскошной ложи. Звук удара колен о камень прозвучал неестественно громко, отрезвляя толпу. За ней, с задержкой в долю секунды, посыпались остальные. Сначала тяжело осела на ступени грузная Брунгильда, ее полное тело содрогнулось, как желе. Затем сложилась пополам тонкая, как змея, Мириам, уткнувшись лбом в доски настила. Последней упала Каина — огонь ее волос мгновенно погас, превратившись в жалкие, опаленные пряди, пахнущие паленой шерстью.

Десятки людей, находившихся вблизи галереи, ахнули. Несколько фрейлин вскрикнули. Король, только что собиравшийся вздремнуть, резко выпрямился в кресле, впившись взглядом в сцену. Принц подавился персиком, забрызгав соком парадный дублет.

Никто не применял контрзаклятий. Никто не читал защитных формул. Четыре самые могущественные женщины-маги королевства лежали ниц перед женой торговца, которая даже не удосужилась посмотреть в их сторону. Их собственная сила, напитанная годами медитаций и жертвоприношений, обернулась против них самих. Воля Лили оказалась абсолютным вакуумом — она не отражала удар, она поглощала его, становясь от этого лишь тяжелее, плотнее, реальнее, чем сама реальность.

Лили наконец сделала глоток вина. Поставила кубок на деревянный поручень кресла. И только тогда медленно подняла свои пепельные глаза. Она посмотрела прямо на поверженную

Элеонору. В этом взгляде не было торжества. Было лишь легкое раздражение хозяйки, которую отвлекли от созерцания пейзажа назойливые мухи.

— Ступени грязные, — произнесла Лили своим низким, спокойным голосом. Фраза предназначалась не столько магессам, сколько пространству вообще. — Вы испортите платья. Подолы стоят дороже вашей гордости.

В мертвой тишине, повисшей над ареной, это прозвучало как приговор инквизиции.

Верховный Архимаг Валериан, супруг Элеоноры, вскочил со своего места в Королевской ложе. Его лицо пошло пятнами, седая борода затряслась. Он был боевым магом старой школы, человеком, способным превратить город в стекло одним пассом рук. — Что ты творишь, ведьма?! — проревел он, поднимая жезл из черного дерева, навершие которого светилось опасным багровым огнем. — Как ты смеешь касаться моей жены?!

Он начал плести атакующее плетение. Сложное, смертоносное, запрещенное всеми конвенциями Совета Кланов. Огонь побежал по его венам, кожа на руках пошла сеткой лопнувших капилляров. Валериан готовился испепелить дерзкую девку на месте, выжечь ее из мироздания дотла, оставив лишь горстку пепла на дорогом шелке.

Лили перевела взгляд с коленопреклоненных женщин на разъяренного мужчину на противоположной стороне амфитеатра. Расстояние в сто шагов для магии такого уровня не является преградой. Она смотрела на него ровно две секунды. Ровно два удара сердца.

Валериан захрипел. Багровый огонь в его ладонях вспыхнул в последний раз и погас, словно залитый ледяной водой. Жезл выпал из ослабевших пальцев, глухо стукнув о дерево помоста. Архимаг схватился за горло обеими руками, его глаза вылезли из орбит. Он пытался вдохнуть, но легкие отказывались работать. Казалось, сам воздух вокруг него превратился в свинец. Старик рухнул на колени рядом со своими сыновьями-пажами, царапая ногтями кадык.

Сердечный приступ, подумал лекарь короля, инстинктивно делая шаг вперед, но тут же замер, увидев, как побелели костяшки пальцев самого монарха, вцепившегося в подлокотники.

Лили моргнула. Проклятие снялось так же быстро, как и наложилось. Валериан судорожно втянул воздух, кашляя и разбрызгивая слюну. Он остался жив, но унижение выжгло его изнутри сильнее любого пламени. Он понял: если бы эта женщина пожелала, его сердце превратилось бы в кусок угля прямо сейчас, посреди полного народа стадиона.

Толпа окончательно потеряла дар речи. Люди перестали дышать. Сотни глаз — от последнего золотаря в яме для бедноты до епископов в пурпурных сутанах — были прикованы к одной точке. К женщине в винном шелке, которая сидела абсолютно расслабленно, пока мир вокруг нее сходил с ума.

И тогда природа мужской стаи взяла верх над социальным протоколом.

Первым очнулся герцог Малькольм Железнобокий. Старый вояка, чья грудь была перекрещена шрамами от демонических когтей. Он командовал пограничными легионами и никогда не склонялся ни перед королем, ни перед богами. Герцог отбросил недопитый кубок с элем. Кубок покатился по ступеням, звонко подпрыгивая. Не заботясь о своем высоком титуле, не дожидаясь разрешения церемониймейстера, Малькольм растолкал стражу и широким шагом двинулся к гостевой ложе.

Его намерения читались яснее букв в книге. Он не собирался спрашивать дозволения. Он видел вершину пищевой цепи, и его звериная натура требовала либо признать вожака, либо умереть, пытаясь оспорить власть.

За ним поднялся граф Ренар Золотой, казначей короны, известный своей скупостью и любовью к мальчикам-хористам. Этот человек дрожал над каждым медяком, но сейчас он швырнул в пыль тяжелый кошель с золотом, который нес его секретарь, и пошел следом за герцогом, оттолкнув плечом какого-то маркиза.

Началась цепная реакция. Мужчины — те, кто правил миром силой оружия, интриг и золота — вдруг осознали, что все их регалии ничего не стоят в присутствии *этого*. Перед ними

было нечто первобытное. Идеальный хищник. И древние инстинкты, спрятанные глубоко под слоями воспитания и гербовых грамот, потребовали одного: служить. Защищать. Приносить добычу к ногам альфы.

Рыцари Круглого Стола, прервавшие свою партию в кости, бросали карты на стол. Начальник городской гвардии бросил отдавать распоряжения лейтенантам. Молодые лорды, минуту назад насмеявшиеся над провинциальностью невесты Николая, краснели, бледнели и рвались сквозь толпу, сбивая с ног лакеев. Каждый хотел оказаться первым. Каждый чувствовал, что если он не принесет присягу верности этому холодному идолу прямо сейчас, то просто испарится, исчезнет, перестанет существовать как личность, оставшись лишь беспомощным куском мяса.

Николай, стоявший внизу, увидел этот вал титулованной знати, устремившийся к его жене. Кровь отхлынула от его лица. Он попытался преградить дорогу герцогу Малькольму, выставив вперед свое толстое брюхо. — Куда?! Это моя жена! Моя собственность! — визгливо выкрикнул купец, хватая герцога за рукав расшитого камзола.

Герцог Малькольм остановился. Медленно, очень медленно он посмотрел вниз, на пухлую ладонь купца, державшую его одежду. Затем перевел взгляд на лицо Николая. В глазах старого солдата не было злобы. Была бесконечная, космическая скука человека, который давит комара.

Малькольм шевельнул кистью левой руки. Раздался тошнотворный хруст ломаемых костей. Николай взвыл, отшатываясь и прижимая к груди раздробленную правую руку. Он упал на колени в дорожную пыль, став неотличимым от сотен других калек-нищих, просящих милостыню у стен замка. Герцог даже не заметил потери скорости. Он перешагнул через бывшего хозяина положения и продолжил подъем по ступеням.

Лили видела приближающуюся процессию. Десятки мужчин в шелке, стали и парче. Маркизы, готовые продать провинции за одну улыбку. Графы, способные купить целый флот. Бароны, чьи замки вмещали армии. Они шли к ней, отталкивая друг друга, наступая на полы собственных плащей. Глаза их лихорадочно блестели, дыхание стало частым и горячим. Это была не похоть в обычном понимании слова — хотя запах мужского возбуждения уже отчетливо стоял в воздухе, перебивая вонь арены. Это было обожание паломников, увидевших чудо. Религиозный экстаз язычников перед кровожадным божеством.

Она вздохнула. Театр абсурда утомлял. Ей нужно было сесть удобнее, чтобы видеть поле целиком, а не крутить головой.

Лили встала. Шелк прошелестел, как смертный приговор. Мужчины, уже добравшиеся до подножия ее секции, замерли, боясь выдохнуть. Герцог Малькольм, бывший ближе всех, неловко качнулся вперед, намереваясь предложить ей руку, чтобы проводить наверх, в пустую ныне ложу магов.

Но Лили прошла мимо него. Она перешагнула через вытянутые в благоговейном трепете ноги графа Ренара, даже не взглянув на мешочек с алмазами, который канцлер предлагал ей в качестве первой дани.

Она подошла к основанию мраморной лестницы, ведущей на закрытую галерею Верховных Магов. Те всё еще лежали на полу, сжавшись в жалкие комки дорогой ткани. Элеонора тихо плакала, размазывая идеальную косметику по щекам — впервые за тридцать лет ее безупречного правления эмоции прорвались наружу неконтролируемым потоком.

Лили поставила ногу на первую ступень. Затем на вторую. Она шла вверх, прямо по белоснежному мрамору, оставляя за собой полосу безопасности — мужчины внизу боялись даже дышать на эти ступени, считая их теперь священной землей.

Дойдя до площадки перед входом в ложу, где в ужасе застыли два нефритовых голема-стража, Лили остановилась. Она оглядела распростертые тела магесс. Посмотрела на тяжелые

портьеры, скрывающие внутреннее убранство галереи. Место было хорошим — отсюда открывался лучший вид на песок, и солнце больше не било в глаза.

Она опустилась на ступени. Прямо на холодный мрамор, между скорчившейся Брунгильдой и потерявшей сознание от переизбытка ужаса Мириам. Лили села, подобрала под себя ноги, расправила складки платья и оперлась локтем о колено, приняв ту самую небрежную позу, в которой сидела в гостевой ложе.

Ее трон был сделан из чужих слез, сломанных судеб и раздавленного достоинства. Самый неудобный мрамор ощущался мягчайшими подушками, потому что она владела правом сидеть здесь.

Из рядов аристократии вырвался общий, протяжный вздох, переходящий в стон. Кто-то упал в обморок — кажется, виконтесса де Бове. Мужчины ринулись вперед снова, но теперь уже не ради безумной страсти, а ради услужения. Они поняли новый закон этого дня. Близость к ней давала статус, недоступный никакому рождению.

— Воды, — коротко бросил герцог Малькольм, обращаясь не к своему пажу, а к капитану королевской гвардии, стоявшему неподалеку. Голос герцога сорвался на хрип.

Капитан, ветеран трех войн, награжденный орденом Дракона лично королем, побагровел от напряжения. Он смотрел на простую чашу с родниковой водой, которую держал его помощник. — Я принесу, ваша светлость, — прохрипел капитан гвардии, вырывая поднос из рук рядового.

Началась тихая, вежливая, но оттого еще более жуткая бойня.

Ренар Золотой вцепился в рукав капитана, пытаясь отобрать чашу. — Миледи предпочитает воду из северных ключей! — шипел казначей, брызгая слюной. — Уступите мне! — Господа, господа, спокойствие! — вклинился главный ловчий короны, размахивая руками. — Я заказал охлажденное молоко с медом горных пчел! Только оно достойно ее уст!

Два рыцаря, обнажив короткие кинжалы (не для убийства, упаси Боже, лишь для аргументации), сцепились прямо у подножия лестницы, выясняя, чей оруженосец быстрее бежит до кухни дворца. Один из них порезал другому предплечье — первая кровь сегодняшнего турнира пролилась не на арене, а на ступенях женской галереи, и виновником был не клинок соперника, а желание подать салфетку.

Пажи толкались, роняя серебряные подносы. Благородные лорды дрались за право стоять на коленях ближе всего к краю ее платья. Капитан гвардии, прижатый к колонне собственным лейтенантом, умоляющим позволить ему подержать ее веер, сдался и просто протянул чашу с водой вверх, вытянув руки над головами толпы.

Лили даже не повернула головы. Она лениво пошевелила пальцами в воздухе.

Этот жест был почти незаметен. Просто легкое движение кисти, которым отгоняют дым.

Но для тех, кто дрался внизу, это стало физическим ударом. Волна чистого, незамутненного презрения обрушилась на них с высоты ступеней. Она не сказала ни слова, не применила никакой магии. Она просто позволила им почувствовать, насколько ничтожной выглядит их грызня за собачью преданность.

Мужчины замерли. Кинжалы вернулись в ножны. Распухшие от ударов носы перестали кровоточить. Тот, кто лежал на земле, получив локтем в челюсть, перестал стонать. Они отпустили друг друга, отступили на шаг назад и склонили головы. Желание убить товарища за право подать стакан сменилось желанием убить себя за проявленную недостойную суету.

Лили взяла чашу из рук висящего в воздухе капитана гвардии. Вода даже не дрогнула. Она сделала долгий, демонстративный глоток.

На песке арены вновь запели трубы, возвещая начало четвертого поединка. Главный приз турнира — Меч Зимы, инкрустированный слезами русалок — ждал победителя.

Король махнул рукой придворному лекарю, чтобы тот занялся все еще хрипящим Валерианом, и откинулся на спинку трона. Монарх смотрел на женщину, пьющую воду на ступенях

магов, на поверженных чародеек у ее ног, на лучших мужей королевства, готовых перегрызть друг другу глотки за возможность вытереть ей губы платком.

— Святые угодники, — прошептал король, обращаясь к пустоте. — Во что же мы ввязались?

Лили допила воду. Отдала пустую чашу обратно в пространство — ее перехватил десяток дрожащих рук одновременно. Она поправила выбившуюся из прически прядь и снова устояла на арене. Черный алмаз на ее шее тускло блеснул, поймав луч солнца.

Турнир продолжался. Правила игры изменились навсегда, и никто в этом городе еще не понимал, выживет ли столица после сегодняшних смотрин. Для самой Лили это была лишь скучная разминка перед настоящим весельем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.